

Л. Н. ХОРЕВ

Владимирский Пединститут

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В РОМАНЕ Г. КАНТА «АКТОВЫЙ ЗАЛ»

На примере одного художественного текста рассматриваются новые существенные и функциональные виды несобственно-прямой речи, обсуждаются параметры, отличающие ее от внутреннего монолога.

Несобственно-прямая речь остается в центре внимания многих зарубежных и отечественных лингвистов в течение последних 30—40 лет [1]. Исследование несобственно-прямой речи (НПР) проводилось в области грамматики, лексикологии, стилистики, а также в историко-генетическом плане. Авторами почти единодушно было признано, что НПР «возникла в результате совершенствования способов чужого высказывания и приемов ведения авторского повествования» [2]. НПР является тончайшим инструментом передачи чужой речи и мысли [3], контаминацией голосов автора и героя. Принцип речевой совмещенности, возникнув и развиваясь в сложно разветвленных и постоянно модифицирующихся структурах НПР, не только определяет особенности этого художественного приема, но и способствует пониманию художественного текста. Не случайно НПР как самостоятельный способ изображения автономизировалась в «зрелой» художественной прозе второй половины XX в., привнесшей в «звучащий» эпос элементы сценических драматических законов развития действия. В XIX в. развивается жанр психологического романа, углубивший субъективную перспективу художественного повествования, усиливший полифонизм художественной речи, ее многоаспектность. Авторская речь с разной степенью слитности взаимодействует с речью персонажей, обеспечивая многоакурсное, экспрессивно неоднородное художественное изложение.

Казалось бы, возможности НПР исчерпаны, однако по мере дальнейшего использования в речевой ткани постоянно развивающегося психологического романа это явление оказалось более образным, чем это представлялось некоторым ученым вначале. В последние годы появился ряд работ, в которых отмечаются новые существенно-функциональные аспекты НПР [4].

По мнению современных исследователей НПР, в достаточной мере изучены генезис, грамматические признаки (функционирование местоимений, предложений, временных форм, синтаксическая организация структурно-семантических типов предложений), однако далеко не полностью освещены еще ее стилистические формы. В качестве обобщенной дефиниции мож-

но привести следующую формулировку: «...НПР в литературно-художественном произведении представляет собой лингвостилистический прием и способ репродукции речи (фактической или мысленной) персонажа посредством лингвистической или экстралингвистической контаминации субъектно-авторских планов, включения в авторскую речевую фактуру трансформированной прямой речи персонажей в ее различном количественно-качественном диапазоне и репрезентации» [5]. Вообще едва ли возможно осуществить исчерпывающее описание типологической структуры НПР ввиду ее огромного многообразия, наличия структурно-типологических видов, разновидностей, модифицированных подвидов, что прослеживается у многих авторов в различных произведениях. Это многообразие можно объяснить непрерывностью эволюции НПР и ее подсистем: вначале в повествовании доминируют одни типы, затем на первый план выдвигаются другие модификации, и, вполне очевидно, порождаются новые типологические структуры. Например, относительно недавно в художественной литературе стала продуктивной НПР с формой 2 л. ед. ч. Такая НПР характеризуется главным образом ее внутренним ведением, при котором действующее лицо обращается к своему «я», погружаясь в себя, анализируя, советуясь с самим собой, взвешивая, оценивая ситуацию.

В современной прозе писателей ГДР и ФРГ НПР стала чрезвычайно эффективным средством отражения индивидуального и типичного в речи персонажей, особенностей их языка. В примерах емкой, насыщенной НПР можно проследить все разновидности речевой характеристики: социальный, профессиональный, региональный, политический и другие параметры. Это помогает читателю составить собственное мнение о действующем лице, проникнуть в идейно-тематическое направление произведения. В художественной прозе ГДР последних тридцати лет мы встречаемся с примерами НПР как средством создания иронического, сатирического и юмористического эффекта, причем вариации каждого из них чрезвычайно богаты: грусть может быть окрашена в светлые и мрачные тона, ирония — легкой или едкой, насмешливой или дружелюбной, юмор — мрачным или добродушным. Другими словами, стилистическая палитра НПР чрезвычайно разнообразна, что позволяет говорить о больших потенциальных возможностях этого явления, обогащающего художественную прозу XX века и находящегося в постоянном развитии, а потому представляющего несомненный интерес для исследователя. В рамках данной статьи мы не можем рассмотреть НПР в разных произведениях, поэтому остановимся лишь на романе Г. Канта «Актовый зал». Роман — одно из самых примечательных произведений в социалистической немецкой литературе послевоенных лет — характеризуется особой творческой манерой повествования. Это выражается в своеобразном композиционном принципе его построения, которое с первых же

страниц вовлекает читателя в ход мыслей героев, создавая впечатление достоверности описываемых событий. При этом одним из главных способов передачи чужой речи выступает НПР. Обратимся к следующему примеру:

Robert ließ ihn in Ruh. Die Geschichte des Alten war zum Heulen, aber Reporter heulen nicht. Ärzte heulen ja auch nicht. Heulen Ärzte wirklich nicht? Ärzte vielleicht, aber Reporter hören, sehen und berichten, und ihre Leser besorgen dann das Heulen für sie mit.

Und das glaubst du nun? Das willst du mich nun glauben machen? Du doch nicht, Robert Iswall, du doch nicht! Wer starrt denn da auf die Bilderserie vom Selbstmord einer New Yorkerin und wer auf die vom Mord an einem ungarischen Polizisten? Wer versucht denn immer, das mitzudenken: Entfernung unendlich, aber wenn ich das Teleobjektiv nehme, wirkt die Frau nicht so einsam wie jetzt da oben auf dem Fenstersims, das Licht ist knapp, ein Hoch auf die Feuerwehr und ihre Scheinwerfer, einmal, zweimal mit dem Tele kann nicht schaden, die wollen doch die Angst sehen von der, aber die kriegt es fertig und springt ausgerechnet, wenn ich die Objektive wechsele, einen Augenblick, Madame, seien Sie so freundlich... Die wollen den wirklich umlegen, und ich die einzige Kamera weit und breit, Kinder, ich bin ein As, der dort weiß, daß er dran ist, dem zittern die Lippen, drei Meter, drei Meter ist richtig, und wie lange belichten, wie schnell fällt denn so einer um, schneller als ein Fußballtorwart, schneller bestimmt nicht, eine Zweihundert fünfzigstell genügt, die machen aber lange, au, das war Sache, wie er die Hand eben vor den Augen hatte, Schnellaufzug, zack, wieviel hab ich denn noch drauf, sechs Galgen, zweimal Freudentränen, dann der Zert-rampelte, den hab ich fünfmal, und dreimal die Fahne der Freiheit, macht sechzehn, das langt dicke, wenn ich das raufkriege, wenn die Kugeln gerade bei ihm ankommen, dann mach Urlaub, dann kriegt Liz ein Telegramm, mach dich fertig, Süße, Big Boy hat was im Kasten, da liegt er schon, hab ich ihn, ja, ich hab ihn, wo ist hier die Post... [6].

Данный пример НПР типичен с точки зрения ее ввода в речевую ситуацию: сначала следуют слова автора; они подводят читателя к специфике работы репортера, фотокорреспондента, который подчас должен за считанные секунды зафиксировать происходящее на его глазах, «остановить мгновение», да так, чтобы это было эффектно, чтобы с минимумом пояснительного текста фото «говорило» само за себя.

По структуре данный пример не очень вписывается в существующую типологию НПР: в данном случае размышления героя автономны, сначала они ведутся от второго лица, затем от третьего и далее — от первого. По коммуникативной заданности эта НПР характеризуется профессионально-политической направленностью — показать специфику работы репортера и со-

циально-политический стержень сюжета. Автор описывает, насколько сложной и опасной бывает работа репортера, фотокорреспондента, но делает это с юмором, хотя и не без горечи.

По некоторым грамматико-синтаксическим свойствам данный пример НПР отвечает установленным принципам ее использования: рыхлость синтаксических конструкций, восклицательные, вопросительные предложения с усеченной формой, эллипсис, апозиопезис и другие признаки, указывающие на то, что это персональная НПР. С другой стороны, в ткань повествования вкраплены элементы внутреннего монолога, ведущегося от первого лица и имеющего свои закономерности. Возможно, перед нами случай, когда НПР ведется от первого лица; кроме того, НПР может передаваться с помощью местоимения *man*. Так или иначе, автор, стоящий за действующим лицом, подводит итог, делает обобщение: *...Und manchmal sehnte er sich nach seinem alten, seinem ersten Beruf.*

Таких примеров можно привести много [7]. В романе мы наблюдаем часто случайное чередование и следование времен, произвольный временной центр. Вероятно, переходы от одной временной плоскости к другой обусловлены тем, что это роман, построенный на воспоминаниях. Поэтому повествование носит зигзагообразный характер и изобилует НПР. Вряд ли другой вид речи позволил бы так информативно передать ретроспективу судеб героев, воспоминания которых и образуют канву произведения. Это подтверждает вывод исследователей о широком спектре модификаций НПР, ее гибкости, экспрессивно-стилистическом богатстве.

В заключение хотелось бы отметить, что НПР, находясь в непрерывном развитии, продуцируя новые и новые структурно-типологические виды, обнаруживая скрытые ранее стилистико-функциональные свойства, все же сохраняет свои лингвистические параметры, обусловленные ее происхождением. Утверждения же о том, что внутренний монолог — один из видов или подвидов НПР, не способствуют определению статуса НПР, а лишь размывают ее границы. Действительно, по способу передачи невысказанной речи НПР сближается с внутренним монологом, но не тождественна ему, ибо, как бы ни была модифицирована НПР, она все равно представляет собой особую информационную модель [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Winkler E. Aus dem Denksystem des Französischen // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur, 1935. Bd. IV; Lorck E. Die Erlebte Rede. Heidelberg, 1921; Seidler H. A. Allgemeine Stilistik. Göttingen, 1953; Walzel O. Das Wortkunstwerk. Leipzig, 1924; Гончарова Е. А. Несобственно-прямая речь в современной художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969; Мартынюк Т. Ф. Несобственно-прямая речь в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Киев, 1954; Инфантова Г. Г. К вопросу о несобственно-прямой речи: Таганрог, 1958. Вып. 6.

2. **Кодухов В. И.** Способы передачи чужой речи в русском языке второй половины XVII—XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. С. 8.
3. **Строева Т. В.** Модальность косвенной речи в немецком языке: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1950. С. 444.
4. **Кузько Е. Я.** Несобственно-прямая речь в современной немецкой литературе: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Киев, 1981; **Дронова Н. П.** Несобственно-косвенная речь в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1975.
5. **Кузько Е. Я.** Указ. соч. С. 10.
6. Цит. по: **Kant Н.** Die Aula: Roman. Rutten; Loening; Berlin, 1975. S. 120.
7. Ibid. S. 135, 167, 186.
8. **Хорев Л. Н.** Относительное употребление и согласование времен в косвенной и несобственно-прямой речи в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. С. 112.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

М. В. ЛУКИЧЕВА

Свердловский пединститут

ОСОБЕННОСТИ КОЛЛОКВИАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Рассматриваются особенности появления у нейтральных единиц разговорных синонимов различными словообразовательными способами, сопровождающимися переосмыслением, сменой семантических ролей компонентов, неомотивацией. Описываются некоторые коллоквиально отмеченные словообразовательные элементы и модели.

Словообразование как «образование новых слов путем соединения друг с другом корневых и аффиксальных морфем, а также основ (баз) данного языка в разных комбинациях по определенным моделям» [1] — достаточно изученный и описанный, наряду с семантической деривацией и заимствованием, путь создания лексики (В. А. Заречнева, И. В. Козырева, Е. С. Кубрякова, В. Кан, М. Д. Степанова, И. И. Чернышева, О. Behaghel, W. Fleischer, W. Henzen, Th. Schippan). При образовании коллоквиализмов этот путь характеризуется рядом особенностей, рассматриваемых в данной статье. Словообразовательные процессы, как правило, сопровождаются переосмыслением участвующих компонентов. Существуют и коллоквиально окрашенные элементы и модели — «словообразовательные средства, прочно прикрепленные своим значением и стилистическим колоритом к определенным видам речи» [2]. Степень разговорности зависит от маркированности/немаркированности элементов и моделей словообразования: участие коллоквиальных средств соответствующим образом окрашивает новую единицу.